

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 1 МАЯ 1930.
JEUDI, 1 MAI 1930

НУМЕРЪ 50
50 ФРАНЦИЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES", Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO 50
EN FRANCE

ЧЕТВЕРГЪ, 1 МАЯ 1930.
JEUDI, 1 MAI 1930

N° 3326

11-Я ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

121

ABONNEMENT AUX "DERNIERES NOUVELLES"
(Partant du 1 et 15 de chaque mois)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА "ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ"
(из 1-го и 15-го каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	265

Перемѣна адреса—1 фр. — Changement d'adresse—1 fr.

Платежи принимаются въ Конторѣ газеты
и въ ея отдѣленіяхъ, а также во всѣхъ
отдѣленіяхъ.

Цѣна 34 фр. Нормы и пробы—50 сантим.
За-границей—90 сантим.

Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.

Adresse de la Rédaction et de l'Administration
Адресъ Конторы и Редакціи

51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans
tous les Bureaux de Poste
Le Numéro Paris "Midi" 50 c.
Etranger — 90 cent.

Адресъ: aux Bureaux du Journal.

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 81-52
Конторы . . . ARCHIVES 85-00
Стѣ. объявленій ARCHIVES 84-95 и слѣд.

Ночной телефонъ редакціи (ночь и час. вечера):

PROVENCE 57-47

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

N° 3326

11-я
АННѢ

121

Новые письма Чехова

За последние годы найдено и опубликовано довольно много неизданных или забытых произведений Чехова. В огромном большинстве это юмористические рассказы и наброски эпохи «Чехонте», представляющие интерес лишь для полноты «собрания сочинений». К этому собранию, очевидно, не приходится больше ждать никаких сколько нибудь серьезных дополнений по сравнению с тем, что было известно при жизни самого писателя.

Зато продолжает пополняться то обширное и исключительное по интересу «эпистолярное наследство» Чехова, которое было открыто читателям с опубликованием, вскоре после смерти А. П., шеститомного собрания его писем, под редакцией М. П. Чеховой. Эти шесть томов заключали 1917 писем к 150 адресатам. Теперь собрание могло бы включить около 2.900 писем, а число адресатов поднялось до 195. Предельно богатейшее сокровище того особого жанра творчества Чехова, каким являются его письма, столь ценны также и для его биографии и для истории его художественных произведений.

Музей имени Чехова, при бывшей Руслицевской библиотеке, только что опубликовал сборник «Неизданных писем» Чехова (1), наиболее значительную (если не считать вышедших за границу писем к О. Л. Книппер-Чеховой) из такого рода новых публикаций.

Сборник заключает 304 письма, дополняющие и уже известную переписку с такими лицами, как А. С. Суворин, Е. М. Шварова, родные А. П. и т. д. Есть и целый ряд новых адресатов. Среди этих писем, разумеется, конечно, представляют интерес: — тут и простые записки и

ответы малознакомым людям, но не мало писем могут быть поставлены на ряду с наиболее интересными страницами чеховской переписки.

В этих письмах Чехов часто выступает в роли литературного критика и руководителя молодых писателей, обращавшихся к нему за советом и поддержкой. Чехов, как известно, был непримиримым врагом всякой растянутости в художественных произведениях, осложнения основной темы, «лишних колес в часах», лишних персонажей, *mouche volantes*, как он их нередко называл. «Ох, не загромождайте! Говорите нам — не загромождайте ваших рассказов» — пишет Чехов своей приятельнице Е. М. Шваровой. Те же советы в письмах к драматургу и беллетристу В. П. Гославскому. «Я прочитал вашу пьесу, — пишет Чехов. — Пять актов — это много. Я начал бы прямо со второго. Пьеса выиграла бы, если бы вы кое кого из действующих лиц устранили вовсе, например Надю, которой неизвестно, зачем ей 18 лет, и неизвестно, зачем она поэтесса. И ее жених лишний. И Софи лишняя. Преподавателя и Качедыкина (профессора) из экономии можно было бы слить в одно лицо. Чем темнее, чем компактнее — тем выразительнее и ярче». Не нравится Чехову и театралный язык пьесы, тот язык «каким вообще пишутся пьесы, в котором нет поэзии». Чехов повторяет Гославскому совет, который он давал ему в личной беседе: «Не бросайте беллетристики. Вы по натуре и по силе дарования художник; вам надо сидеть в кабинете и писать без передышки. Подальше от влияний, которые губительны для индивидуальности, как саркома; вам надо писать по 20-30 печатных листов в год, чтобы понять себя, развернуться, возмужать, чтобы на свободе расправить крылья и тогда вы поднимите себя выше, а не она вас».

Беллетристу А. С. Лазареву-Грузинскому, по поводу его рассказа «Побег», Чехов пишет: «Стройте фразу, делайте ее сочной, жирной, а то она у вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь законченного сига. Надо рассказывать 5-6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы себя никогда не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу два дня и обмозговалась. Само собой разумеется, что сам я по личности не придерживаюсь этого правила». Заканчивая в начале 1888 года большую повесть «Степь», Чехов писал тому же Лазареву: «На свою «Степь» я потерял много соку, энергии и фосфора, писал с напряжением, натужился, выжимал из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет — не знаю. Но во всяком случае, она мой шедевр, лучше сказать не умю, и посему ваме утешение, что «иногда вещицы не задаются» (в случае неудачи) утешить меня не можете. Дебют, масса энергии, напряжения, хороший сюжет и проч. и проч. — тут уже едва ли подойдет ваше «иногда». Если при данных условиях написано скверно, то при условиях менее благоприятных напишу, значит, еще хуже. Да-с, батенька! У вас еще впереди будущее (два-три года), а я переживаю кризис. Если теперь не возьму приза, то уж начну спускаться по наклонной плоскости. А вы меня утешаете парфюмом «иногда»!

Сборник рассказов «Хмурые люди» Чехов посвятил композитору Н. И. Чайковскому, которого ценил чрезвычайно высоко. «Мысль посвятить вам книжку — пишет он Чайковскому, проси разрешить это посвящение — крѣпко засела мне в голову еще в тот день, когда я завтракал с вами у Модеста Ивановича (брата композитора, известного драматурга), узнав от вас, что вы читали мои рассказы». Чайковский разрешил сделать посвящение и, желая поблагодарить молодого писателя, записал к нему домой. Тогда возник вопрос о составлении Чеховым либретто для оперы «Валла» по Лермонтову, которую хотел писать Чайковский. Этот план, впрочем, не осуществился. Сообщая М. И. Чай-

ковскому о предстоящем выходе книжки, посвященной Петру Ильичу, Чехов пишет: «Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петру Ильич — до такой степени я уважаю его. Если говорить о раятах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом. Третье я отдаю Рѣшину, а себя беру девятым номером».

Письма к А. С. Суворину, вообще одни из интереснейших в переписке Чехова, и в рассматриваемом сборнике занимают видное место. Очень подробно рассказывает Чехов о своих хлопотах по устройству в московском Малом Театре пьесы Суворина «Татьяна Рѣпина». Ее хотелось ставить в свой бенефис артистка Никулина и пригласила Чехова для переговоров. Относительно главной роли шли разные театральные интриги. Никулина не прочь была играть сама, уговаривая Чехова, что «Машенька (т. е. Ермолова) занята, Федотова сказала: «Я не играю пьяных женщин». Вас взяли описать подробно и с большим юмором. В разговор участвовали сестра Никулиной — «старая дѣва с крысыным лицом и в дѣла» и муж — «типа раята — ремонтера с бакенами и сединой». «Начинается умный разговор: ремонтер несет чепуху. С драматическим переходом к вреду табака. Ремонтер жалуется на кашель и обвиняет табак. Сестрица тархтит... Наконец, входит лажей и подает Надю (Никулиной) письмо в каком-то необыкновенном, социальном-демократическом конверте. По конверсу узнаю, что письмо от радикалки Машеньки. Надя перья распекает письмо и читает вслух: «Если это для вас, то я согласна, но вѣдь вы, кажется, сами хотели играть Рѣшину? Сегодня прочту пьесу, завтра дам ответ».

В первой фразе письма шпилька Суворину, во второй шпилька самой Надѣ. Расклавываюсь и ухожу. Итак, завтра я подучу отъѣзд, который пошлю вам. Бабы ненавидят друг друга и интригуют всю. Понять их трудно, но у меня есть

Ленский, который рад взорвать на воздух всех актрис, кроме Ермоловой. Он знает все завязки и развязки интриг и угадывает их быстро».

В другом письме к Суворину есть восторженный отзыв о пьесе Гейерманса «Пучина»: «Пьеса удивительна. Последний акт есть нечто такое, чего я бы и за миллион не написал. Этот акт цѣлая пьеса, и когда я буду иметь свой театр, то буду ставить только этот один акт».

В письме к Суворину от 3-го февраля 1892 года, написанном вскоре после покупи у некоего художника Сорокина имени Мелихова, слышатся мотивы, через несколько лет развернувшиеся в «Мужиках» и других рассказах из деревенской жизни:

«Я каждый день дѣлаю открытия. Что за ужас иметь дѣло со агунями! Продавец художник жет, жет, жет без надобности, глупо — в результате ежедневного разочарования. Каждую минуту ожидаешь новых обманов, откуда раздражение. Привыкли писать и говорить, что только купцы обманывают да обманывают, а поглядывая на дворян! Глядят гнусно. Это не люди, а обыкновенные кулаки, да же хуже кулаков, ибо мужик кулак берет и работает, а мой художник берет и только жрет да бранится с прислугой... Художник дѣлает вид, что предан всей душой, а в то же время учит мужиков обманывать меня. Так как трудно на глаза понять, где моя земля, и где мой дѣл, то мужики научены были показывать мне крупный дѣл, принадлежащий церкви. Но мужики не послушались. Вообще чепуха и пошлость. Гадко, что вся эта голая и грязная сволочь думает, что и я так же дрожу над копѣйкой, как она, и что я тоже не прочь надуть. Мужики забиты, запуганы и раздражены».

Серия писем к Н. И. Забавину, учителю школы в Новоселках, вблизи Мелихова, излагает подробно заботы Чехова о постройке школы, — уже третьей, которую он устраивал, — добывая деньги, давая и свои средства, обсуждая планы и выходя во все мочи работы. С такой же заботой в течение многих лет доставлял Чехов

книги в общественную библиотеку своего родного города, Таганрога. Несколько десятков писем к библиотекарю П. Ф. Иорданову свидетельствуют о совершенном исключительном внимании и большом знании литературы, благодаря которым непрерывно обогащалась библиотека, носившая теперь имя Чехова.

В сборнике находим довольно много писем, свидетельствующих об интересе Чехова к медицинским вопросам, к быту врачей и т. д. Чехов всегда чувствовал себя не только писателем, но и врачом. Известный психиатр Г. Н. Россолимо рассказывает в своих еще не опубликованных воспоминаниях (на них есть ссылка в сборнике), как он, с согласия Чехова, вел переговоры с деканом медицинского факультета московского университета проф. Н. Ф. Клейном о предоставлении писателю звания приват-доцента. «Для этого требовалось, между прочим, заставить ученую степень доктора медицины». «Но у меня нет диссертационной работы? Разве только предложить для этой цѣли «Сахалин»? — говорил Чехов. К сожалѣнию, Клейн отнесся к предложению Россолимо отрицательно».

Приведем, в заключение, выдержку, очень чеховскую, из письма к Е. М. Шваровой 28-го ноября 1898 года, из Ялты: «Мне скучно по Москвѣ, скучно, я хотел бы туда, где теперь дурная погода и холодная толча, дѣлающая незамѣтной оту дѣло... У меня нет книг, мне нечего читать, я каменью от скуки, и кончаю тем, что брошусь с мола в море или ныряю. Ваша сестра дала мне почитать Гюгю, но оказалось, что я эти рассказы читал уже. Сипаин дал читать «Таможенный тариф». Дѣлать нечего — читаю. Будьте, что я литератор, пишите ко мне, как к доктору или лучше как к больному, и совет ваш будет спокоен. Вы не станете терзаться, что своими письмами отнимаете у великого писателя его столь дорогое время, которое проводит он лежа на постели цѣлый день и глядя в потолок или читая «Таможенный тариф»».

Р. Словцов.

1) А. П. Чехов. Незданные письма. Предисловие В. И. Невского, вступительная статья и редакция Е. Э. Лейтхеккера. Комментарии К. М. Виноградовой, Н. И. Гитович и Г. Э. Лейтхеккера. Госиздат. Москва, 1930 г. Стр. 240.